

Источники ПС постоянно расширяются, ср. ранее не отмечавшееся обращение к рукописным картотекам (с. 53: картотека ст.-польск. словаря). Установка на полноту, однако, не означает отсутствия пропусков. Так, в ПС, в свою очередь, нет словарных статей **derbati*, **derča*, **der-višče*, **dervosěkъ*, **dervotočъ*, **děgati*, **děkovati* (se), **děloga* | **dětologa*, **dělqтка*, **dīža*, **dobresti*, **dobriло*/la/lъ. Укажем лишь на древнесловообразовательный и этимологический характер части этих случаев, включенных в ЭССЯ.

Что касается этимологий, то спорить с ПС означало бы спорить с традицией, а эта задача уже выходит за рамки небольшой рецензии. Ограничимся поэтому одним—двумя замечаниями. Афг. *l* в слове *lēwar* не может свидетельствовать против диалектного характера перехода *d > l* в лат. *lēvir* (см. ПС, с. 180, s. v. *dēverь*), потому что переход др.-иран. *d > l* как раз характерен для афганского языка. Напоследок — одно наблюдение не столько по этимологии и реконструкции, сколько по уточненной идентификации формы слова в древнем тексте. На с. 172 ПС содержит позицию *děty* 2. *děti* m. 'mówca, orator' (?). Wyraz pierewny. Tylko w strus. *đěti* pl.: ни соуѣди, ни дѣти, ни срѣдоболи оѣте гѣітѡв, оѣте рѣтѡр, оѣте суγγевнѣс: — Не должны ли мы, опираясь на греческую параллель (ρήτωρ), читать это место Златоструя в единственной цитате у Срезневского (I, 794—795) скорее как *đěti(u)*?

О. Н. Трубачев

Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979, 640 с., 119 карт (= Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 17)

Пафос рецензируемой работы и вся ее суть — в ее подзаголовке: «Материал к вопросу о прародине славян». Эта внушительная книга в 640 страниц офсетной печати представляет собой диссертацию молодого геттингенского лингвиста Юргена Удольфа, с которым автор настоящей рецензии имел случай познакомиться лично во время своего краткого пребывания в Геттингене в мае 1977 г. Ю. Удольф показывал мне многие из своих карт славянской гидронимии; он был очень увлечен исследованием и сказал: «Мне кажется, я нашел прародину славян». Я постоянно вспоминал эту гордую фразу потом, когда читал вышедшую из печати книгу. Книга Удольфа — большое и в целом очень тщательно выполненное исследование. Для его подготовки автор проделал поистине титаническую собирательскую работу. Достаточно сказать, что для этого он просмотрел и расписал на карточки примерно 4.500 (!) монографий и журнальных статей (Udolph J. Op cit.,

Einleitung, S. 52). Свыше сотни тематических карт Удольфа — это целый атлас древней славянской гидронимии. Вся работа в целом носит на себе печать добросовестности и большого трудолюбия и как бы демонстрирует нам, что есть на свете *der deutsche Fleiß* (истинно немецкое прилежание). Важно и другое: книга немецкого лингвиста Удольфа проникнута бережным отношением ко всему славянскому, к его месту в древней лингвистической Европе, наконец, к славянским этимологическим ресурсам, и если у Удольфа и обнаруживается какая-то тенденция в трактовке лингвистического материала (о чем мы еще будем говорить), то это тенденция скорее прославянская. В целом, предваряя лингвистическую оценку книги, мы можем назвать труд Удольфа одним из заметных нынешних проявлений славяно-германской взаимности.

Избранная автором тема бесспорно актуальна, особенно сейчас, перед IX Международным съездом славистов 1983 г. в Киеве, в программе которого этногенез славян займет подобающее место. Изучение древней славянской гидронимии и гидрологической терминологии в их географии и становлении — один из важнейших путей к решению проблем лингвистического этногенеза, а следовательно, и этногенеза славян в целом.

Из краткого упоминания Удольфа мы узнаем, что в печати находится также книга его учителя — профессора Геттингенского университета В. П. Шмида — «*Urheimat und Ausbreitung der Slaven*». Нельзя не счесть любопытным того факта, что в наши дни учитель и ученик почти одновременно и не опасаясь дублирования работают над книгами о прародине славян. Новая работа Удольфа дает повод для самых различных размышлений. То избытие фактического материала, которое представлено в ней *pes plus ultra*, не только ведет к решению проблем, но и ставит новые проблемы, надо сказать, более созвучные нашему времени и современной науке, обнаруживает, естественно, не только успехи, но и слабости автора и разработки самих проблем в науке. Потому что нигде методологические недостатки не проявляются так четко, как при обильном и тщательно собранном материале.

К собиранию материала и вообще к исследованию проблемы прародины славян Удольф приступил во всеоружии теоретической концепции, которая впервые была разработана Г. Краэ, а затем претерпела существенные изменения в работах В. П. Шмида. Эта концепция излагается во введении к книге (Einleitung, S. 45 и сл.) и в вышедшей почти одновременно с книгой статье, суммирующей результаты того же исследования (Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven. — *Beiträge zur Namenforschung*, Bd. 14, 1979, Heft 1, S. 1 и сл.). Как известно, Г. Краэ в ряде работ выдвинул идею древнеевропейской гидронимии, охватывающей большую часть индоевропейских языков Европы, включая балтийский, но почти не захватывающей славянский. Древнеевропейская гидронимия была, по мысли Краэ, диалектно не дифференцирована и отличалась такой архаической особенностью, как производность от аппеллативов с «водным» значением ('вода', 'река', 'болото', 'источник', 'ручей'). В. П. Шмид расширил рамки этой концепции, поставив знак равенства между древнеевропейским и индоевропейским, и, кроме того, постулировал наличие эпицентра древнеевропейской гидронимии в балтийском. Удольф, не ставя перед собой самостоятельных задач в плане индоевропеистики, весьма трезво взялся за пересмотр сла-

вистического аспекта проблемы. Вслед за Э. Дикенманом он адресует специалистам по балто-славянским отношениям серьезный упрек, что они никак не использовали тезис Краэ о границе древнеевропейской гидронимии как одновременной границе между балтийским и славянским. В связи с этим Удольф четко формулирует «некоторые нерешенные вопросы», прояснению которых должен содействовать анализ материала в его собственном исследовании: 1. Существовала ли балто-славянская языковая общность? 2. Действительно ли славянский лишь в малой степени был причастен к древнеевропейской гидронимии? 3. Как объяснить допущение, что предки славян вплоть до начала новой эры сидели на небольшом пространстве за карпатской дугой, в пользу чего свидетельствует факт незначительной славянской диалектной дифференциации? 4. Если действителен постулат маленькой славянской прародины, то вызывают удивление сильно колеблющиеся утверждения относительно расселения праславян «между Эльбой и Вислой», «по Одру и Висле», «на Украине» (Einleitung, S. 50).

В общем одобряя «метод исключения» как критерий поисков прародины славян, Удольф критикует предшествующие исследования, занимавшиеся выяснением мест, где не жили славяне (балтийские, финноугорские, иранские территории), а не прямым ответом на вопрос, где с л а в я н е ж и л и. Для решения этой задачи Удольф поставил цель выявить район наибольшего скопления чисто славянских гидронимов от чисто славянских водных апеллятивов указанного выше характера. Постулат бессубстратности этой чисто славянской гидронимической области, если и не провозглашается четко, все же витает в работе (ср. факт апробации метода исключения), вплоть до того, что неохотное допущение автором в конце работы некоторого дославянского субстрата «также в Галиции» (с. 613 книги) воспринимается читателем с недоверием как некий диссонанс. Сам Удольф это признает, говоря там по этому поводу: «Тем самым мы отходим от принципа обязательно объяснять спорные гидронимы Галиции только с помощью славянского. . .» (там же).

Удольф отобрал около 80 водных апеллятивных терминов и рассмотрел в серии очерков применение их в гидронимии разных славянских стран с тем, чтобы выявить скопление или центр распространения соответствующих древних названий: *barъ / *bara, *bolto, *brlog-, *chъrp- / *chorp-, *ezer- / *ezor-, *glěnъ, *glina, *gnil(a), *gnojъ, *gręzъ / *grqzъ, *ilъ, *jъzvogъ, *kalъ, *luža, *močěrъ, *moč-(d)l-, *molka, *morc, *oko / *okъno, *orzok-, *ponik-, *potokъ, *rěka и многие другие. Последовательно рассматриваются апеллятивы, охватывающие все славянские языки; только восточно- и западнославянские языки; восточно- и южнославянские языки; западно- и южнославянские; только западнославянские языки; восточнославянские; южнославянские.

Забегая вперед, выделим главное: автор высказывает в итоге уверенность, что ему удалось с помощью исследования славянских апеллятивов и гидронимов определить древнейшие места обитания — прародину славян и что эта прародина помещалась на северных склонах Карпат, приблизительно между Закопане на западе и Буковиной на востоке, занимая площадь 300 км в широтном направлении и 50—150 км — в меридиональном (с. 619, 623 книги Удольфа). Именно здесь наиболее полно представлены в гидронимии апеллятивные основы различных славянских языков и другие древние осо-

бенности (с. 619—620). Следовательно, основной аргумент автора — «скопление (Häufung, Konzentration) в Галиции». Однако присмотримся к тому, как вообще он оперирует понятием скопления.

Автор довольно прямолинейно представляет себе связь между «Wasserwörter» и природным ландшафтом. Например на с. 306, говоря о гидронимах с основой *voda*, он делает наблюдение: «Скопление названий в Южной России связано с географическими особенностями этой области». Спрашивается, как именно связано; ведь речь идет о степях, которые никогда не были скоплением водных источников. Однако автор проходит мимо этого кажущегося противоречия. Особенно роковым оказался для Удольфа случай с припятскими болотами. Отмечая обилие славянских гидронимов от слова **bolto* (с. 77, ср. и карту на с. 78), он приходит, как ему кажется, к некоторым поразительным (überraschend) результатам: «Так, необходимо в первую очередь отметить, что, хотя район Припяти и затронут названиями, в основе которых лежит **bolto*, его отнюдь нельзя считать центром, в то время как, собственно говоря, следовало ожидать, чтобы в этом исключительно болотистом районе названия вроде *Болото* и производных от него встречались чаще». Совсем не обязательно, ответим мы, даже наоборот. Дело в том, что номинация в языке вообще и в ономастике (гидронимии, топонимии и т. д.) в частности основана на маркированности (а не бапальности!) обозначаемого, а есть ли что-либо менее маркированное в Припятском Полесье, чем его повсеместные болота? Очень жаль, что автор рецензируемой ономастической работы упустил из виду важный закон относительной негативности топонимии, обоснованный В. А. Никоновым. Не будем касаться теории прародинны славян в этом районе, который Удольф, как ему кажется, предъявил здесь неопровержимый контраргумент, обратимся к самой сути концентрации древних славянских гидронимов и прежде всего — в северном Прикарпатье (Галиция), которой Удольф придает решающее значение в определении прародинны славян. На первый взгляд кажется, что так оно и должно быть: в древнейшей области обитания славян нужно — по прямолинейной логике — ожидать больше всего древних славянских названий. Но это только на первый взгляд; логика языкового и топонимического развития проявляется как раз в том, что однотипные названия (а Удольф оперирует именно однотипными названиями!) не могут быть многочисленными в районе возникновения и первоначального распространения, но количество их резко возрастает в зоне вторичной экспансии. Насколько мне известно, на эту закономерность впервые обратил у нас внимание также В. А. Никонов. Исследование Удольфа весьма проигрывает в своих диагностических выводах оттого, что автор, увлеченный масштабами и количеством собранного материала, пренебрег описанными важными общими закономерностями, уже выработанными нашей наукой. Приведенные нами критерии (скорее качественной, чем количественной) оценки ономастического материала весьма осложнили бы Удольфу и любому другому на его месте поиски прародинны славян.

Конкретные наблюдения автора над распространением гидронимов и его карты сохраняют всю свою научную ценность. В самом деле, в районе северного Прикарпатья объективно фиксируется скопление славянских гидронимов от древних водных терминов. Но чем оно в принципе отличается:

от нередко столь же внушительных скоплений, например, часто отмечаемых самим же автором в Лужице и особенно — на западе центральной Польши? Можно согласиться с автором в том, что в последних двух (и других аналогичных им) случаях скопления явились результатом вторичной колонизации, но ведь это непосредственно подводит — в свете сказанного выше — к а н а л о г и ч н о м у в ы в о д у о с е в е р н о м П р и к а р п а т ь е (и с т о р и ч е с к о й Г а л и ц и и). Концентрация водных названий от слав. **rěka* не только в Галиции, но и в Словении/Хорватии, а также в Македонии и южной Болгарии (см. карту 26) могла бы навести на мысль, что все это однородные ситуации, иными словами, что Галиция — это тоже одна из зон славянской колонизации, по ряду признаков — колонизации старой. Автор, пожалуй, прав, признавая более тесную, чем это делалось традиционно, связь славян с горами, хребтами и водоразделами (с. 624), но не следует для этого преуменьшать знание праславянами болотистого ландшафта, как это он делает несколько легковесно там же. Противоречивость авторской концепции галицийской прародины славян как области максимального скопления чисто славянской гидронимии обнаруживается в тех уступках, которые Удольф вынужден сделать, допуская все-таки дославянский субстрат и в этой области (с. 613) и одновременно квалифицируя эти случаи (названия *Isła, Obava, Opaka, Opor, Orava, Pielica, Rada, San, Sawa, Solučka, Strvjaž, Stryj, Wiar, Wisznia*, см. с. 632 и сл.) как древнеевропейскую гидронимию. Сам автор, однако, упускает разницу между терминами, которые он попеременно прилагает к этим элементам — «*vorslavische Schicht*» и «*Kontinuität*». Таким образом, остается неясным, считать ли праславянский прямой продолжением носителей древнеевропейской гидронимии или он только наслонился на зону ее распространения. Наличие неславянского субстрата в карпатской гидронимии в любом случае несомненно (ср. также: *Bednarczuk L. Zagadnienie przedstowiańskiej hydronimii Karpat. — Rocznik naukowo-dydaktyczny WSP w Krakowie. Prace językoznawcze II, 1973, с. 19 и сл.*). Но прежде чем мы закончим свое обсуждение проблемы прародины, необходимо коснуться, пожалуй, важнейшей проблемы — древнего диалектного членения. Складывается впечатление, что взгляды автора в этом вопросе несколько устарели.

Изучая наличие гидронимов с праформой **jъzrojь* (польск. *źródź* 'источник'), Удольф приходит к выводу, что и апеллатив, и производные от него гидронимы характерны для польского, откуда следует решительное заключение, что это образование едва ли можно отнести к праславянскому (с. 464). Распространение лишь на части славянской территории является в глазах автора препятствием для признания слова (и названия) праславянским (ср. с. 519, 538). Говоря о древних диалектных различиях в южнославянском, он имеет в виду только судьбу фонетических сочетаний *dj, tj* и как причину различной трактовки называет раздельную миграцию на Балканский полуостров (с. 629).

Однако вот уже скоро двадцать лет, как наука о праславянском языке работает с понятием праславянского лексического диалектизма (ср. концепции и практику подготовки «Этимологического словаря славянских языков» в Москве и «Праславянского словаря» в Кракове). К нашему удивлению, в большой работе Удольфа нет ни слова о праславянских лексических диалектизмах (один из них, например, — **jъzrojь*, старое производное от гла-

гола *jъzringti). Судя по его трактовкам примеров, он смешивает понятия праславянского и общеславянского. Еще Ф. де Соссюр указывал, что интенсивные изменения не обязательно являются следствием миграции. Небольшие размеры искомой территории славянской прародины («первичной ячейки» — Keimzelle) Удольф тесно связывает с первоначальной бездиалектностью праславянского, но это не только не доказано, больше того, — теперь все более делается очевидной справедливость обратного — теории диалектной сложности праславянского. Такие разные ученые, как Ф. де Соссюр и В. Порциг, согласно указывали, что небольшая территория не значит бездиалектная. Диалекты праславянского языка существовали всегда, а не с первых веков н. э. При этом истинно древние лексические диалектизмы, конечно, показательнее, чем, разумеется, вторичные рефлексy dj, tj.

Поскольку Удольф считает себя последователем Г. Краэ, полезно напомнить одно высказывание Краэ (сохраним его в оригинале для удобства немецких читателей): «. . . ja — man wird sich an die Vorstellung gewöhnen müssen, daß der Reichtum und die Vielfalt an Dialekten, welche der alteuropäische Mutterboden hervorgebracht hat, einst viel größer waren als die zu Schriftlichkeit gelangten oder gar zu Literatursprachen herangewachsenen und daher noch in unmittelbarer Überlieferung vorliegenden Idiome es ahnen lassen» (Krahe H. Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen in Alt-europa. Wiesbaden, 1959, S. 21 (=Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Jg. 1959, № 1).

И теперь о понятии и термине «прародина». Хотя, как видим, ученые еще пишут наперебой книги о прародине славян, это понятие все больше становится данью традиции, а не аргументом современной науки. Реальна ли «чисто» славянская гидронимическая область (она же прародина славян)? Нет, не реальна, и об этом свидетельствуют критически тесно сдвигающиеся неславянские гидронимические ареалы, они же говорят и о недостаточности «метода исключения». Стерильно чистое (бессубстратное) этнолингвистическое пространство — исключительное явление, и к этому типологическому аргументу надо отнестись с вниманием. Следовательно, практически повсюду мы должны считаться с вероятием дославянского субстрата, с проиццаемостью и незамкнутостью древней славянской территории, с динамичностью праславянского ареала (В. Поляк), с сосуществованием разных племен на праславянской территории (В. Хенсель: «kohabitacja»). Думается, что изложенное понятие древней славянской этнолингвистической территории адекватнее, чем традиционное понятие прародины, обремененное биологическими ассоциациями как бы одномоментности, одноактности и единства места «рождения» славян от праиндоевропейцев, чего, конечно, в действительности не было. То, что самые мощные собрания фактических материалов с целью выявления прародины славян приводят к скромному обнаружению еще одного скопления гидронимов, должно служить для нас сигналом, что заниматься надлежит не поисками прародины, а всем современным комплексом вопросов лингвистического (и общего) этногенеза славян.

В работе Удольфа, естественно, большое место занимают вопросы этимологии и словообразования гидронимов, важнейшие для изучения лингвистического этногенеза. Не все этимологии, принимаемые или выдвигаемые автором, могут удовлетворить рецензента, что вполне понятно. Здесь для

краткости я останавливаюсь только на случаях, которые являются, по моему мнению, очевидными, и на явных ошибках автора. Удольф ошибается, относя к числу продолжений праслав. **molka* 'сырое, болотистое место, низина' также гидроним *Молочная, Молочные Воды*, бассейн Азовского моря (с. 210); это название достоверно производно от рус., укр. *молоко* < праслав. **melko*. Разбирая названия с основой **ponik-*, автор крайне неточно характеризует форму *Паникли, Поникли* как случай с *-l-* epentheticum (с. 241), поскольку условием появления *-l-* эпентетического может быть только сильное смягчающее предшествующего лабиального согласного, а в *Поникли* нет ни лабиального согласного, ни смягчения, а есть только суффикс *-(ъ)l-*. Невероятна попытка исконнославянской этимологии названия **Dunajъ / *Dunavъ* (с. 367), искусственно отрывающая этот гидроним от других его европейских вариантов. Еще менее вероятно толкование названий с основой **zanoga* как производных от корня **zan-* с суффиксом *-oga* (с. 422 и сл.). Одной ссылкой на встречающиеся в топонимии и гидронимии названия с основой **ol(ъ)noga* достаточно, чтобы сохранить за старым и прозрачным членением **za-noga* полное право на существование. В разряд производных с суффиксом *-va* попадают у автора *sla-va, slo-vo* (членение авторское, с. 540), тогда как здесь можно говорить только о корне *slov-, slav-*. Для нас осталось неясным, как автор представляет себе апофонию **gnojъ* : **gniti*, если он считает *-j-* в **gnojъ* суффиксом (с. 546). Едва ли можно признать удачным отнесение названия *Magura* к исконнославянским на *-r-* суффиксальное (с. 547). Румынский плюральный суффикс *-ești* не связан прямо со славянским *-išče, -išča*, вопреки мнению автора (с. 569). Не лучше ли отнести чешское местное название *Brabec* (в Южной Моравии) к чеш. диал. *brabec*, вариант к *vrabec* 'воробей', чем сблизить его с прикарпатским гидронимом *Барбара*, как делает Удольф (с. 601)? Особенно отчаянные усилия применяет автор, доказывая славянское происхождение названия *Бескиды* (с. 605), но результат крайне неправдоподобен: **be(z)-(s)kyd-* 'ohne Spalt, ohne Schlucht'. Самоочевиднейшему тождеству античного *Δίχλα* / серб. *Дукля* и карпатского *Дукля*, из которых первое ранее объяснено из иллир. **dō'il-*, на основании чего затем отсюда же объяснено и второе, Удольф противопоставляет очень сомнительную попытку славянской этимологии, привлекая группу слов якобы с корнем **duk-*, которые скорее выглядят как культурные заимствования (с. 608).

Напротив, сближение гидронима *Стрвяж*, польск. *Strwiąż* с лит. *srovīngas* 'быстрый (о течении)' (автор, с. 616, вслед за В. П. Шмидом) можно отметить как полезное. Заслуживает внимания интерпретация гидронима *Onop* как восходящего к «древнеевропейскому» **Aparos*, с суффиксом *-ar-* от **ap-* 'вода, река', наряду с *Onaka* < **Arakā* (с. 617). Продолжение поисков балтийских соответствий в глубь карпатского ареала в принципе целесообразно, только не стоит противопоставлять их во что бы то ни стало иллирийским связям, как это делает автор (с. 617). Можно напомнить случай, когда иллирийские и балтийские связи интересным образом перекликаются или как бы нейтрализуются к югу от Припяти, ср. гидроним *Церем* < **serm-*, видимо, к лит. *Sėrmas*, но ср. также иллирийские *Sirmium*, серб. *Срем*. Полезно обратить внимание на заключение автора о том, что существование особой балто-славянской промежуточной ступени не подтверждается (с. 637).

Итог работы Удольфа лучше всего можно охарактеризовать его же собственными заключительными словами (с. 640): «Даже если воспринимать

скептически некоторую или значительную часть результатов этой работы, все-таки придется констатировать, что капитальное исследование гидронимов имеет немаловажное значение для ранней истории и доистории. То, что благодаря этому теории, долгое время считавшиеся действительными (возникновение на древнеевропейской основе балтийского, но не славянского и т. п.), теперь нуждаются в пересмотре, по моему мнению, только повышает ценность ономастики для вопросов такого рода».

О. И. Трубочев

Georgakas Demetrius J. Ichthyological terms for the sturgeon and etymology of the international terms Botargo, Caviar and congeners (A linguistic, philological and culture-historical study). Pragmateiai tes Akademias Athenon, Tomos 43. Athens 1978 (330 с. + карты)

Эта публикация Афинской академии наук представляет важный шаг вперед в научном исследовании истории рыболовства в Черном и Каспийском морях на материале свидетельств различных названий осетровых рыб и разных смежных терминов. Автор, профессор университета штата Северная Дакота (США), имеющий также длинный список публикаций, в том числе интересные работы по славяно-греческим языковым связям, посвятил свою книгу подробному разбору ихтиологических терминов, имеющих в греческом, латинском и славянских языках. Во введении Георгакас констатирует (с. 83—88): «Высшая цель исследования культуры (в оригинале — *anthropology*. — Прим. перев.) — достичь полного познания фактов и более глубокого понимания процессов истории человеческой культуры. . . В числе самых ранних видов деятельности человека, направленных на обеспечение его жизни, были охота и рыболовство. Начало рыболовства восходит к эпохе примерно за 12.000 лет до н. э., т. е. незадолго до появления смешанного сельского хозяйства как в Северо-Западной Европе, так и в Юго-Западной Азии. Разумеется, и рыболовство, и охота сохранились в числе занятий человека и тогда, когда его сельскохозяйственная деятельность оттеснила их на второстепенное место».

Согласно Георгакасу, рыба играла важную роль в греческом кулинарном искусстве с XIII по VIII в. до н. э. Она поставлялась с Эгейского моря, с Босфора, с Черного и Азовского морей. Одним из главных по потреблению среди рыб был осетр. При этом лов осетра и соответствующая терминология сближали народы в Евразии. Автор констатирует следующее о рыболовстве в Причерноморье: «Рыболовство в Черном море (*Euxeinus Pontos*) предварило греческую колонизацию его побережий. Эта точка зрения, основанная на данных древних греческих авторов, документируется и подтверждается результатами советских археологических исследований ранних греческих поселений в Северном Причерноморье. Рыбные богатства этих мест как будто были хорошо известны в эллинском мире начиная с расцвета греческой колонизации (V—IV в. до н. э.). Хотя сообщения Гекатея (VI в. до н. э.) о рыбах Черного моря не дошли до нас, Геродот (V в. до н. э.) сохранил для нас ценный материал о богатстве рыбой и о великих реках, впадающих в Черное море с севера и северо-запада. . .» (с. 86).